

— Пойдёшь со мной, хорошо?

Гу Чжису долго неподвижно смотрел на него, в глазах постепенно появилась дымка, но вдруг он приподнял тонкие губы, окрашенные в алый цвет, и на его лице появилась ослепительно прекрасная улыбка.

Он ответил:

— Хорошо.

[Завершение тома «Ветер и облака вновь поднимаются»]

На шумном рынке, напевая мотивчик, прошел сказитель.

В большом дворе с серыми кирпичами и белыми стенами белоснежные цветы груши перебирались через ограду.

Девушка в длинном платье цвета индиго и жилете, с прической из двух пучков, медленно подошла к боковой двери, неся корзину. Она легко постучала в деревянную дверь и произнесла мягким, сладким голосом:

— Откройте! Я вернулась с цветочными пирожными!

Её слова не успели сорваться с губ, как дверь со скрипом отворилась. Изнутри выглянула другая служанка, тоже с двумя пучками на голове, но более красивая. Она с улыбкой приняла корзину, повернулась и, приотворив дверь, впустила девушку:

— Ацзя вернулась, скорее заходи!

Ацзя, едва войдя, поставила корзину, достала из неё блюдце с пирожными и аккуратно опустила на поднос. Повеселившись немного со служанкой, что открывала дверь, она прошла через арку, сделала несколько шагов и увидела в заднем саду у пруда сидящую фигуру. На её лице тут же появилась сияющая улыбка.

— Молодая госпожа!

Рядом с прудом стояло бамбуковое кресло-качалка, скрипевшее при малейшем движении. На нём полулежала фигура в светло-зелёной одежде женщины-шуан, опираясь на руку и безразлично глядя на воду. Услышав голос, она подняла голову и увидела Ацзя, которая быстро подходила с пирожными. Девушка улыбалась во весь рот и протягивала блюдце.

— Молодая госпожа, Ацзя вернулась с цветочными пирожными, они ещё тёплые!

Сидящая в кресле опустила голову и посмотрела на поднесённые к ней пирожные, от которых поднимался лёгкий пар. Они были сделаны в форме цветков сливы, с едва заметными красными вкраплениями. На её лице также появилась улыбка, и это прекрасное лицо, освещённое солнцем, с нефритовой шпилькой в волосах и алыми губами, казалось ещё более изысканным.

Высокая служанка, стоявшая рядом, увидев, как Ацзя так близко подошла к госпоже, не смогла сдержать лёгкого недовольства и тихо отчитала её:

— Разве можно так разговаривать с молодой госпожой? Совсем нет манер. Ты помыла руки перед тем, как делать пирожные?

Ацзяо, услышав слова высокой служанки, поспешно встала и оправдалась:

— Ацзяо сама их делала, конечно, помыла.

— Юэ Яо, не будь строга к Ацзяо.

Сидящая в кресле с улыбкой покачала головой. Глядя на высокую служанку, которая хмурилась на Ацзяо, она похлопала ту по руке и взяла одно пирожное с блюда.

— Ну-ка, позволь мне попробовать.

Увидев, что женщина-шуан ест, Ацзяо широко раскрыла глаза и с лёгким волнением спросила:

— Молодая госпожа, вкусно?

Сидящая в кресле проглотила пирожное и в голосе с улыбкой ответила:

— Ацзяо сама что, не попробовала ни кусочка?

Ацзяо украдкой высунула язык. Увидев улыбку на лице госпожи, она наконец расслабилась, присела и тихо ответила:

— Ацзяо попробовала, просто боялась, что молодой госпоже не понравится.

— Это сделано с вишней в мёду? — Сидящая в кресле коснулась её лба, затем посмотрела на пирожные на фарфоровом блюде, снова взяла одно, аккуратно разломала пополам и, указывая на красную начинку, задумчиво спросила. — В это время года откуда взялась вишня?

— Молодая госпожа, это не вишня, а горные ягоды, вымоченные в мёду, — маленькая служанка, увидев, что хозяйке нравится, указала на дорогу, по которой пришла, и сладко улыбнулась. — Ацзяо ещё принесла целую баночку, чтобы молодая госпожа попробовала новинку. Их собрали в горах несколько дней назад, они свежие и очень вкусные.

— На вкус очень похоже на вишню, видимо, я мало что знаю.

Сидящая в кресле слегка приподняла брови и съела половинку пирожного:

— Принеси блюдо, будем есть с чаем.

Ацзяо поспешно кивнула:

— Есть, молодая госпожа!

Юэ Яо провожала взглядом удаляющуюся фигурку маленькой служанки и тихо вздохнула. Глядя на то, как сидящая в кресле выпрямляется и направляется к внешней галерее, она тоже поспешила за ней и тихо сказала:

— Молодая госпожа слишком балует Ацзяо, вы её избалуете.

Человек, шедший впереди и стоявший к ней спиной, услышав это, улыбнулся. Повернувшись, он позволил весеннему ветру развеять одежду с вышитыми цветами груши и чёрные волосы:

— Она молода, наивна и мила. Попасть в Юэ Хуэй для неё уже непросто — осталось всего несколько дней, так что пусть повеселится, это неплохо.

Юэ Яо сжала губы, взглянув в ту сторону, куда ушла Юэ Цзяо, и, увидев, что та снова бежит назад с радостным видом, снова вздохнула:

— У молодой госпожи слишком добрый нрав, будь я на её месте, я бы так её не баловала.

Человек, стоявший рядом, опустил голову, его тонкие губы изогнулись в улыбке. Он тоже посмотрел на Юэ Цзяо, которая бежала к ним, держа блюдце из синего фарфора; её круглое лицо было сияющим от улыбки. В его глазах почему-то появилась лёгкая грусть, и он тихо вздохнул:

— Юэ Яо, ты слишком спокойна. По сравнению с Ацзяо ты совсем не похожа на девушку.

Юэ Яо видела, как Юэ Цзяо подбегает, радостно кланяется, а потом поворачивается, чтобы убраться ягоды. В глазах служанки тоже появилась улыбка:

— Разве не за мой характер молодая госпожа и выбрала меня своей личной служанкой?

Человек, стоявший рядом, ничего не ответил. Он повернулся, взял ягоду, съел её, запил чаем и, поднимая руку, обнажил на запястье ярко-красную нить. Юэ Яо и Юэ Цзяо почти одновременно заметили это и тут же опустили глаза, больше не смея смотреть на него.

— А где ваш господин? Уже время, а он всё не возвращается?

Юэ Яо вспомнила утренние события и поспешно доложила:

— Молодая госпожа, господин...

Её слова прервались, когда Юэ Цзяо, выглянув из-за её спины, увидела человека, идущего по галерее с горшком орхидеи. Она улыбнулась и потянула его за рукав:

— Господин вернулся! Госпожа, посмотрите!

Гу Чжису резко поднял голову и посмотрел туда, куда указывала Юэ Цзяо.

Человек в белом, как луна, парчовом халате спокойно шёл к ним. Его прекрасное лицо озаряла лёгкая улыбка. Юэ Яо и Юэ Цзяо, увидев, как он приближается, поспешно склонились в поклоне, переглянулись и отошли в сторону, оставив Гу Чжису стоять одного. Его чёрные, как нефрит, глаза сверкали звёздчатыми искорками смеха.

— Вернулся?

Пришедший поставил орхидею на землю, легко щёлкнул по листу и, улыбаясь, обнял Гу Чжису за талию:

— Время обеда уже близко. Если бы я не вернулся посмотреть на жену, куда бы я ещё пошёл?

Гу Чжису хмыкнул, не отвечая, и поднял веер, чтобы отстранить его руку.

— Ацзяо принесла ягоды, а ты сразу тянешься туда.

Синь Юаньань, не изменив улыбки на лице, скользнул пальцами по вееру, крепко схватил его руку и притянул к себе. Его тёмно-синие глаза на солнце казались ещё более глубокими и непроницаемыми.

— Я не буду есть это.

Гу Чжису, оказавшись в его объятиях, слегка сменил позу. Он позволил ему наклониться и поцеловать себя в уголок губ, затем ласково посмотрел на него и ничего не сказал.

Полмесяца назад той ночью во внутренних покоях клана Гу.

Он принял ту нефритовую шпильку, искусно вырезанную в форме распустившегося цветка груши. Поспешно договорившись с одним человеком из Цюнхуа, чтобы тот временно заменил его, он сам последовал за Синь Юаньанем в Чанчжоу. Там они должны были выбрать среди театральных трупп тех, кого хотели забрать с собой в Минду.

В Чанчжоу они купили особняк. Женщины из Юэ Хуэй стали служанками, мужчины и мужчины-шуан — слугами. Они сами притворились супругами, представившись богатыми купцами из Минду, которые хотят купить театральную труппу и увезти её в столицу. За короткие полмесяца они транжирили деньги: сначала наняли несколько известных танцовщиц, а затем купили знаменитую труппу.

Однако это было лишь то, что видели посторонние. Только люди в этом большом доме знали, кто на самом деле те, кого они привели, и какое прошлое и ненависть те несли с собой. Синь Юаньань наклонился, коснулся его волос, вдохнул лёгкий аромат груши и, помолчав немного, с улыбкой тихо спросил:

— После обеда пойдём смотреть спектакль?

[Завершение тома «Ветер и облака вновь поднимаются»]

<http://bllate.org/book/16652/1526459>